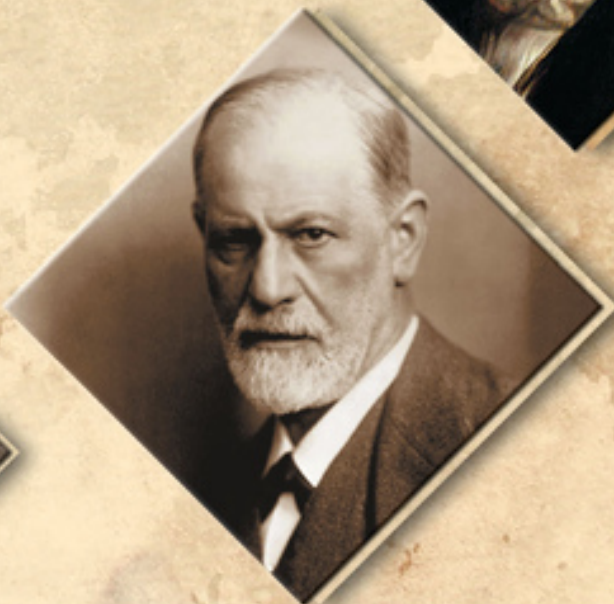
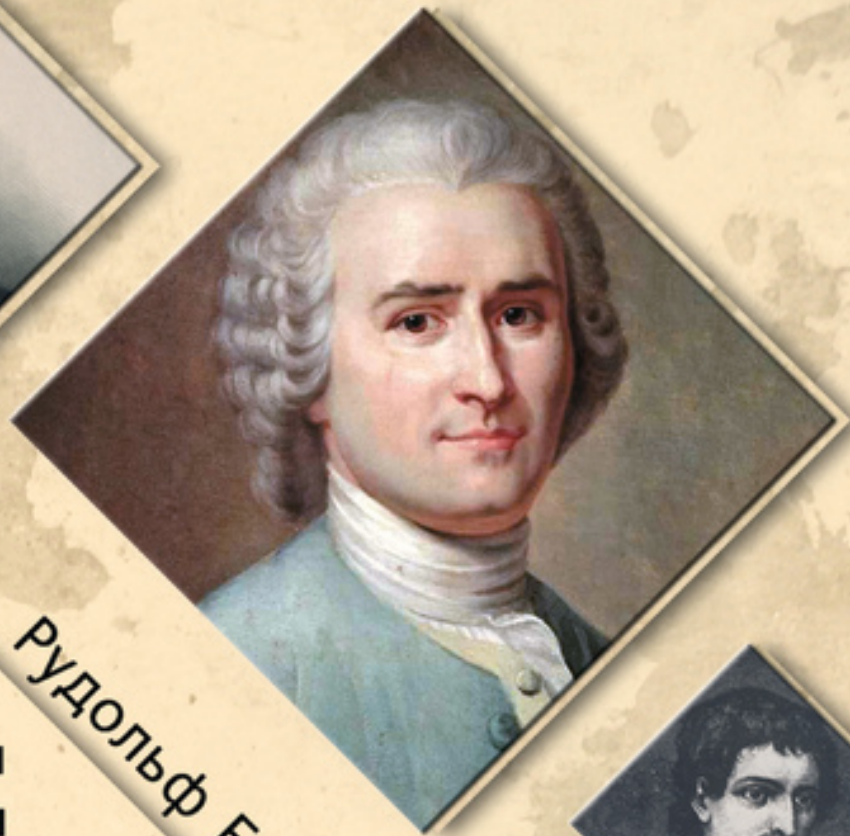

ГОРЕ ОТ УМА?

Причуды
выдающихся
мыслителей

Рудольф БАЛАНДИН
СТРАННОСТИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Странности великих людей

Рудольф Баландин

**Горе от ума? Причуды
выдающихся мыслителей**

«ВЕЧЕ»

2017

Баландин Р. К.

Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей /

Р. К. Баландин — «ВЕЧЕ», 2017 — (Странности великих людей)

ISBN 978-5-4444-8691-7

В книге Рудольфа Баландина читатель найдет увлекательные рассказы о странностях в жизни знаменитых интеллектуалов от Средневековья до современности. Герои книги – люди, которым мы обязаны выдающимися открытиями и техническими изобретениями. Их гениальные мысли становились двигателем человеческой цивилизации на протяжении веков. Но гении, как и обычные люди, обладают не только достоинствами, но и недостатками. Автор предлагает ответ на вопрос: не способствовало ли отклонение от нормы, пусть даже в сторону патологии, появлению нетривиальных мыслей, решений научных и технических задач?

ISBN 978-5-4444-8691-7

© Баландин Р. К., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Пролог. Мудрецы Лапуты	6
1	6
2	7
3	8
4	9
Глава 1. Врач – исцелись сам (психиатры, психологи)	10
Франц Йозеф Галль (1758–1828)	11
Чезаре Ломброзо (1835–1909)	16
Виктор Кандинский (1849–1889)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рудольф Константинович Баландин

Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей

© Баландин Р.К., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог. Мудрецы Лапуты

1

В этой книге речь пойдёт о странностях интеллектуалов. Этим людям мы обязаны замечательными научными открытиями, техническими изобретениями. Они – передовой отряд цивилизации, наиболее ярко проявляющий качество, которое стало определением нашего вида: человек разумный.

Впрочем, научно-технические достижения наиболее эффективно используются во время войн. Конечно, и для мирного времени кое-что имеется, но от этого род человеческий не становится более человечным.

Так, может быть, не только достоинства, но и недостатки выдающихся мыслителей сказались на характере цивилизации?

Другой вопрос: не помогло ли отклонение от нормы, пусть даже в сторону патологии, способствовать появлению нетривиальных мыслей, решений научных и технических задач?

Наконец, можно ли утверждать, что у признанных гениев были какие-то генетические особенности, выделяющие их из обычных «типовых» представителей рода человеческого? Об этом свидетельствует уже то, что гений и гены – слова одного корня.

...Профессия, интеллектуальные пристрастия накладывают свой отпечаток на характер, склад ума. Человек, всерьёз увлечённый какой-то идеей, подчас действительно напоминает маньяка.

2

В своих путешествиях Лемюэль Гулливер, созданный воображением Джонатана Свифта, попал в круг мыслителей дивного летающего острова Лапуты:

«У всех головы были скошены направо и налево; один глаз косил внутрь, а другой глядел прямо вверх. Их верхняя одежда была украшена изображениями солнца, луны, звезд попеременно с изображениями скрипки, флейты, арфы, трубы, гитары...» – символами гармонии Мироздания.

Они считались тонкими ценителями наук, а потому изображали рассеянность и размышления, недоступные простым смертным.

Интеллектуальная элита, приближённые к власти пребывали в своём «возвышенном» мире. Всё, что требовалось им для безбедной жизни, поставляли те, кто трудился внизу, на земле.

Возможно, насмешка Свифта над мыслителями Лапуты относилась и конкретно к его современнику Исааку Ньютону. Не потому ли один глаз лапутян смотрел в небо, а другой косил внутрь? Ньютон отличался рассеянностью, а кроме научных сочинений, насыщенных геометрическими фигурами и формулами, занимался алхимией и писал богословские трактаты.

3

В «Путешествиях Гулливера» Свифт, которого итальянский психиатр Ломброзо считал сумасшедшим, раскрыл нелепости общества, где лилипуты мнят себя великанами, лошади порядочнее людей, а учёные пребывают в состоянии задумчивого идиотизма.

Человек, предназначенный природой для благородных свершений, считал Свифт, словно дерево, растущее на свободе. Цивилизация обрабатывает его, уподобляя метле:

«Но, пожалуй, скажете вы, палка метлы лишь символ дерева, повернутого вниз головой. Полноте, а что же такое человек, как не существо, стоящее на голове? Его животные наклонности постоянно одерживают верх над разумными, а голова пресмыкается во прахе... И всё же при всех своих недостатках провозглашает он себя великим преобразователем мира и исправителем зла».

Свифт показал, какими становятся представители развитых цивилизаций, на примере йеху, ведущих происхождение от одичавших англичан. Они резко отличаются от разумных обитателей этой страны – лошадей. Йеху прожорливы, жадны, завистливы, злобны, жестоки; лебезят перед сильными и угнетают слабых.

4

Поэты, художники, музыканты традиционно отличаются экстравагантными поступками. Создать нечто оригинальное в искусстве способна только незаурядная личность.

У знаменитых учёных, философов, изобретателей, казалось бы, должно преобладать рациональное мышление. Однако о странностях мыслителей известно немало анекдотов. В книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (III век) рассказано о знаменитом астрономе Фалесе Милетском. На его статуе было написано:

Град Ионийский Милет вскормил и воздвигнул Фалеса,
В мудрости старшего всех, в звёзды вперяющих ум.

Говорят, выйдя наблюдать звёзды, он оступился и упал в яму. Прохожие смеялись, вытаскивая его:

– Хочешь познать тайны небес, а не видишь, что у тебя под ногами!

– О, люди, не отрывающие своих взглядов с дороги, чтобы не оступиться, вам нет дела до небес!

Быть может, так отвечал Фалес. История не сохранила его слов. Люди охотнее смеются над мудрецами, чем прислушиваются к их советам.

Говоря о странностях выдающихся мыслителей, мы будем знакомиться с их достижениями. Иначе уподобимся тем, кто посмеивался над Фалесом Милетским. Кто они были? Неизвестно. А слава Фалеса дошла до наших дней через бездну двадцати шести столетий.

Глава 1. Врач – исцелись сам (психиатры, психологи)

Тяжело переносить долгое общение с психически нездоровым человеком. Он погружён в свои иллюзии. Пытаясь его понять, невольно уходишь в этот мир и чувствуешь, что он тебя заражает своей болезнью.

Психолог, невропатолог и психиатр В.М. Бехтерев называл это «психическим вирусом». Такой возбудитель болезни нематериален, но разве на нас воздействуют только материальные объекты? Наша душа тоже ведь нематериальна.

В подобных случаях сказывается инстинкт подражания, сочувствия. Он в разной мере свойственен всем высшим животным, птицам. Они воспитывают своих детёнышей, которые воспринимают у взрослых необходимые для дальнейшей жизни повадки.

Франц Йозеф Галль (1758–1828)

На одном из парижских кладбищ в августе 1828 года прошли странные похороны. Гроб был заколочен наглухо: у покойника отсутствовала голова. Так проводили в последний путь знаменитого австрийского врача профессора Франца Йозефа Галля. Отсутствие головы у его тела было прямым следствием научных взглядов, которые в ней родились.

Теорию Галля можно свести к афоризму: череп – зеркало души.

По форме головы ещё древние греки и римляне пытались определить качества человека. С той поры укоренилось выражение «лоб Сократа». Крутизна и шишковатость сократовского лба, как предполагалось, отражали великие философские способности. Низкий и широкий лоб считался признаком твёрдости характера (львиные качества), а высокий и узкий – трусости и хитрости.

Франц Галль обследовал сотни голов людей и собирал коллекцию черепов. Увлечённость этими исследованиями побудила его завещать собственный череп для пополнения коллекции. Таким было незаурядное рождение новой области знаний.

Галль назвал её краниологией (по-гречески «кранион» – череп, «логос» – учение). Позже его ученик и соавтор Иоганн Гаспар Шпурцгейм начал использовать термин «френология», который стал общепринятым («френ» – душа, ум).

Австриец Франц Йозеф Галль изучал биологию и медицину в Страсбурге, затем в Вене, где окончил медицинский факультет университета и занимался врачебной практикой. Увлекаясь изучением мозга, он исходил из нескольких принципов, которые легли в основу френологии:

- Чем крупнее мозг, тем выше интеллект.
- Мозг делится примерно на 27 отделов, и у каждого свои функции.
- Чем более развит данный отдел, тем ярче проявляются его функции.
- Наиболее важную роль играет кора головного мозга; поэтому форма черепа влияет на развитие тех или иных качеств человека.
- По форме и рельефу черепа можно судить о том, какие части мозга развиты или ослаблены. Под выпуклостями находятся скопления нервных клеток соответствующего отдела.

Сначала Галль вёл исследования один, затем с учениками и последователями. Удалось составить нечто подобное «глобусу полушарий головного мозга». На нём были отмечены области, отражающие свойства разума и души человека.

Умственные способности связывались со строением лба. В центре его помещалась область памяти, над ней – сообразительности, чуть в стороне – любознательности, а затем – остроумия. На темени располагались центры: благоволения (гуманности); почтительности, благоговения, твёрдости, упорства. В затылочной области – отзывчивости, осторожности, домовитости, дружелюбия, любви к детям.

Плохие качества показывают шишки, окружающие правое ухо. Над ним – центры разрушительных наклонностей, гневливости; чуть впереди – драчливости; выше – скрытности, хитрости; ещё выше – жадности, накопительства. По некоторым данным, выпуклость перед ухом предопределяла обжорство, а по другим сведениям, где-то в этом районе таился инстинкт самосохранения.

Вообще-то о связи внешности человека с его внутренним миром люди задумывались давно. Как высказался парадоксалист Оскар Уайльд, «только поверхностный человек не обращает внимания на внешность». В конце XVIII века получила (незаслуженно) титул науки

«физиогномика» благодаря солидному труду швейцарского теолога, писателя Иоганна Каспара Лафатера. Ссылаясь на философов и писателей прошлого и на народные приметы, он доказывал, что «лицо – зеркало души».

Капитан корабля «Бигль», на котором Чарлз Дарвин должен был отправиться в кругосветное плавание как натуралист, поначалу отнёсся к нему с предубеждением. «Горячий последователь Лафатера, – писал Дарвин в “Воспоминаниях о развитии моего ума и характера”, – он был убеждён, что может судить о характере человека по чертам его лица, и сомневался в том, что человек с таким носом, как у меня, мог обладать достаточными для совершения путешествия энергией и решимостью. Думаю, однако, что впоследствии он вполне мог убедиться в том, что мой нос ввёл его в заблуждение».

Короткий вздёрнутый нос означал грубость чувств, вздорность, тогда как прямой – спокойность и терпеливость; крупный лоб, согласно френологии, – признак хорошей памяти, ума, а также непостоянства и трусости, а маленький подбородок говорит о робости и слабости. У Дарвина был короткий, чуть вздёрнутый нос, широкий лоб, маленький подбородок. Можно понять знатока физиогномики, увидевшего его лицо.

Френология быстро обрела популярность. Она, как думали многие, имела прочные научные основы. Галль, читая популярные лекции, говорил об особенностях психики человека и на черепках показывал, за какие дарования отвечают отдельные части мозга и как это отражается на поверхности костей.

У него не было отбоя от слушателей. Посмотреть на коллекцию и послушать ученого приходили самые именитые люди Вены. Френология завоевывала всё большее число почитателей. Из Франции сообщали, что Бальзак в восторге от исследований доктора Галля и ждёт от него новых сенсационных открытий.

Деятели церкви и некоторые медики докладывали в министерство внутренних дел Австрии, в полицию, что профессор Галль проводит у себя дома опасные материалистические сеансы, внушая слушателям, что череп человека отражает суть его внутреннего мира, а по внешним данным костей можно судить о характере личности. Френология является лженаукой и может нанести ущерб моральному состоянию общества.

Император Австрии своим указом запретил Францу Йозефу Галлю публичные выступления. Учёный переехал в Берлин, побывал в Швейцарии, Голландии, Бельгии, окончательно обосновавшись с 1807 года в Париже. Везде его лекции шли с шумным успехом.

Оперативно воспользовались френологией писатели. Появилась прекрасная возможность по внешности давать характеристику литературного персонажа. Бальзак в повести «Луи Ламбер» так описал главного героя: «Всем бросалась в глаза его крупная голова. Очень кудрявые волосы красивого чёрного цвета придавали невыразимое очарование его лбу, который казался огромным даже и нам, совершенно не интересовавшимся объяснениями френологии – науки, находившейся тогда ещё в колыбели. Красота лба была необыкновенной, пророческой главным образом благодаря чистой линии надбровных дуг».

Желая обрести признание в среде наиболее авторитетных учёных, Галль в 1808 году представил Парижской академии свою работу «Исследование нервной системы вообще и мозга в частности». Французские учёные дали ей положительную оценку. Однако Наполеон Бонапарт, ставший императором Франции, воспротивился его избранию в академию.

Поговаривали, что причиной такого решения была профессиональная честность Галля, находившего череп Наполеона недостаточно крупным для интеллектуала и свидетельствующим об отсутствии способности к философии. В данном конкретном случае учёный отчасти был прав, но всё-таки научно обосновать френологию оказалось непросто.

Идея Галля о локализации функций организма в разных отделах головного мозга подтвердилась. В 1861 году французский анатом П. Брока, исследуя мозг больного с нарушениями речи, обнаружил дефект задней трети нижней лобной извилины левого полушария. Через десятилетие немецкий психолог К. Вернике определил, что поражение задней трети первой височной извилины левого полушария резко ухудшает понимание речи.

Немецкий анатом К. Клейст на основе конкретных данных составил карту полушарий мозга с указанием очагов счёта, чтения, ощущения боли, движений рук... Эти данные, полученные опытным путём, совершенно не соответствовали предположениям френологов.

Сейчас установлено: основной отдел слуха находится в височных долях, а зрения – в области затылка. Ни один из вариантов френологических карт этого не учитывает.

Мозг – сложная система, способная «на ходу» исправлять неполадки в своей работе. В то же время отдельные качества и способности связаны с определёнными отделами мозга, о чём первыми догадались френологи.

Русский анатом и физиолог XIX века Матвей Волков писал из Парижа московскому издателю А.И. Баландину, что изучение черепа не может дать точных данных о человеке. Он сравнил работу мозга с музыкальным произведением, где чередуются сложные аккорды. Эта идея, как выяснилось через сто лет, была правильной: при умственной деятельности возбуждаются целые серии очагов коры головного мозга.

Появилась эпиграмма (возможно, автор её – Баландин):

У Галля логика хромала.
Его беда, а не вина:
Хотел по форме он бокала
Судить о качестве вина.

Однако для изучения работы мозга френология оказалась полезной. Она поставила перед исследователями ряд перспективных проблем.

Матвей Волков считал изучение черепа стимулом самопознания: «Что, если бы каждый человек посвящал ежедневно по несколько минут одинокой беседе со слепком своей головы, держа в руках курс френологии? Какое бы влияние имел этот обычай на нравственное улучшение человечества!»

Научная критика френологии убедительна. Но как знать, что будет обнаружено при дальнейших исследованиях? Известна связь между строением тела человека и его темпераментом и психикой. Наша физическая и духовная жизнь образует единство. Они находятся в каких-то неявных соответствиях между собой.

Интересные данные о развитии отделов головного мозга были получены в результате изучения слепков черепов наших давних предков. Оказалось, что наиболее активно развивались отделы, связанные с движениями правой руки, речью, а также высшей умственной деятельностью.

Идеи френологии могут возродиться в неожиданных формах. Существует наука геоморфология, исследующая рельеф местности и его происхождение. Специалист, «читая» рельеф, мысленно восстанавливает события далекого прошлого, динамику геологических процессов, особенности развития земной коры в данном районе. Не научатся ли когда-нибудь «читатели рельефа черепа» выяснять потаённые свойства личности?

Такое предположение кажется невероятным. Однако мне довелось убедиться, какими удивительными бывают соотношения физических и духовных особенностей человека.

По канонам хиромантии (гадания по руке) левая ладонь отражает наследственные свойства, правая – приобретённые. В XX веке нечто подобное доказала наука: правое полушарие головного мозга, которое управляет левой половиной тела, ответственно преимущественно за

эмоции, интуицию, врождённые качества, а левое – преимущественно за рассудочную деятельность и приобретённые навыки.

Правда, на этом научные основания хиромантии заканчиваются. Всё остальное – выдумки, не имеющие доказательств. Хотя и тут не так просто.

Оказывается, узоры на пальцах отражают ряд психических и физических качеств. Они могут служить для определения возможностей спортсмена экстра-класса. Используется так называемый дельта-индекс. Он показывает степень сложности кожных узоров на пальцах. Наиболее простой узор – в виде дуги – оценивается нулём, более сложный (петля) – единицей, а завиток или двойная петля – двойкой. В общей сумме для обеих рук можно набрать от 0 до 20 баллов.

В лаборатории спортивной антропологии и генетики Всероссийского НИИ физической культуры многие годы изучали эти показатели наших выдающихся спортсменов. Результаты оказались такими. Низкие значения индекса свидетельствуют о незаурядных скоростно-силовых качествах, необходимых для спринтеров (велотрек, лёгкая атлетика, коньки), средние – о выносливости (лыжное двоеборье, шоссейные велогонки, стайерские дистанции), а высокие – о способности к сложно координированной деятельности (бокс, штанга).

Для представителей игровых видов спорта важно учитывать их конкретную роль в команде. В футболе, баскетболе, волейболе «высокие баллы» присущи защитникам, низкие – нападающим. Конечно, тут нет ничего общего со школьными отметками: чем выше, тем лучше. Для классного нападающего важны скорость, сила и взрывная реакция, тогда как для вратаря, например, главное – умение принимать быстрые решения в сложных ситуациях, обладать отличной координацией движений.

Таковы статистические данные, из которых конечно же немало исключений.

Я проверил на себе эти выводы. Пальцевый индекс получился 16. Он характерен для защитников в баскетболе, вратарей, боксёров. Это точно совпало с моей спортивной судьбой. Выдающихся успехов в спорте не достиг, но с детства предпочитал играть в футбол вратарём и защитником; поступив в волейбольную секцию, вскоре перешёл на баскетбол, играя защитником (поднялся до первого разряда), и увлекался боксом, несмотря на то что не был забиякой, а даже от несильных ударов из носа у меня шла кровь. Выходит, моим выбором в спорте руководили... узоры на пальцах!

Выдающийся чешский физиолог Ян Пуркине опубликовал книгу, в которой дал первую классификацию пальцевых узоров. Претворил теорию в практику англичанин Френсис Гальтон. Когда весной 1905 года на окраине Лондона были обнаружены два окровавленных трупа владельцев лавки, пожилых супругов, этот метод был впервые опробован на практике.

Против двух подозреваемых, братьев, были лишь косвенные улики. Эти громилы смеялись, как от щекотки, когда у них стали брать отпечатки пальцев. Но вскоре им стало не до смеха. Оттиск большого пальца одного из братьев точно соответствовал оттиску на окровавленной шкатулке. Судья приговорил преступников к повешению. Они, потеряв самообладание, стали упрекать друг друга, чем подтвердили справедливость приговора.

Но можно ли по отпечаткам пальцев (так же как по форме черепа, что утверждал Франц Гальль) судить заранее о преступных наклонностях человека? Нет, невозможно.

Впрочем, некоторые результаты интересны сами по себе. Скажем, в среднем пальцевый индекс европейцев ниже, чем у чукчей. Если вспомнить о спортивной специализации, то получается, что у чукчей должно быть развитым «многовариантное» мышление, умение принимать верные решения в экстремальных ситуациях, в отличие от жителей Европы.

Трудно судить, как связаны духовные свойства людей с отпечатками пальцев. Но то, что такая связь имеется, пусть даже неабсолютная, можно предполагать. И если кончики пальцев могут немало сказать о возможностях и способностях человека, то ладони – тем более. Что уже тогда говорить о конструкции черепа!

Однако узор кожи пальцев или ладоней, форма и объём черепа не определяют ум, характер и судьбу человека. Они зависят от многих факторов, среди которых врожденные качества имеют косвенную, а то и незначительную роль.

...После первых десятилетий XX века френология, хиромантия, физиогномика, не говоря уже об алхимии, астрологии, стали считаться большинством просвещённых людей «лженауками». Это справедливо по отношению к тем лжеучёным, которые выдают их за подлинные науки, а также к доверчивой суеверной публике, охотно верящей шарлатанам.

С позиций истории знаний ситуация иная. Научные исследования начинаются обычно с гипотез, наблюдений, экспериментов, со сбора и классификации фактов. Поначалу трудно понять, какие идеи верны. Надо рассматривать разные варианты и сопоставлять их с имеющимися фактами.

Когда речь идёт о психических и умственных способностях человека, ситуация особенно сложна. Каждый из нас обладает огромным набором качеств, порой противоречивых и проявляющихся в разной степени в зависимости от конкретных внутренних и внешних условий. Личность пластична, «симфонична», как говорил русский философ Лев Платонович Карсавин.

Этим объясняется успех френологических и астрологических характеристик: всегда можно подобрать из многих возможных сочетание качеств личности, которое тебе кажется верным.

Так автор становится зависимым от своего творения. Он стремится подтвердить его во что бы то ни стало. Эта установка не оставляет ему возможности для сомнений. В некоторых случаях учёные шли на невольные подлоги, толкуя сомнительные факты в свою пользу или «подправляя», подделывая результаты экспериментов.

Франц Йозеф Галль, оставляя потомкам свой череп, надеялся, пожалуй, что они, изучая его рельеф, убедятся, как сильно развиты у него области ума и склонности к философии. Но даже имея эти качества, нельзя сделать подлинное открытие, если научный метод использован некорректно.

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

Когда талантливый человек сильно увлечён своей идеей, он становится похожим на маньяка. Это в большей степени, чем у Франца Йозефа Галля, проявилось у итальянского психиатра и антрополога Чезаре Ломброзо. В книге «Гениальность и помешательство» он стремился доказать сходство этих двух качеств, выискивая признаки безумия едва ли не у всех великих людей.

Как профессионал он имел дело по большей части с преступниками и сумасшедшими. Тут действительно можно разувериться в достоинствах рода человеческого, включая его наиболее славных представителей.

1 января 1882 года в предисловии к четвёртому изданию своей книги, пользовавшейся «бешеной популярностью», Ломброзо вспоминал: «Когда, много лет назад, находясь как бы под влиянием экстаза, во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги» (её первое издание вышло в 1863 году).

Выходит, на него нашло озарение. Сам он подобные случаи относил к явлениям ненормальным. Более существенно, что он воспринял идею «с полной очевидностью». Это уже похоже на манию.

Вообще-то идею эту высказал задолго до него французский психиатр Луи Франсуа Лелю в книгах о Сократе и Паскале. И если у Паскаля действительно были болезненные явления, то крепныша Сократа он «изобличил» в том, что тот сослался на демона, который подсказывает ему верные мысли. Хотя этого демона следует, пожалуй, толковать не как видение извне, а как внутреннее прозрение.

Когда исследователь подбирает факты, подтверждающие его гипотезу, не принимая во внимание опровержения и не давая волю сомнениям, вместо научной объективной работы получается подгонка под готовый ответ.

Такое увлечение характерно преимущественно для дилетантов, «непризнанных гениев». Но Чезаре Ломброзо был профессионалом и много занимался практической деятельностью.

Родился он в Северной Италии (она входила в Австро-Венгерскую империю), в еврейской зажиточной семье. Отец торговец постарался, чтобы сын получил высшее образование. После окончания гимназии Чезаре поступил в университет города Павии; изучал антропологию, психиатрию и нейрофизиологию.

Учился он прилежно. Интересуясь особенностями представителей разных рас, осваивал иностранные языки, включая арамейский и китайский. Во время студенческих выступлений за освобождение Италии его арестовали. В тюрьме находился недолго. Но именно тогда на него произвели сильное впечатление преступники, резко отличавшиеся по своему поведению от привычных для него интеллигентов.

В то время (середина XIX века) в Европе была популярна гипотеза передачи по наследству психических и умственных особенностей. Даже Чарлз Дарвин, развивавший теорию естественного отбора, отмечал, что у потомственных рабочих более крупные и грубые руки, чем у аристократов.

Казалось бы, физические показатели – это одно, а умственные и моральные – другое. Но не исключена связь физических и духовных признаков. Многие антропологи и почти все френологи склонялись к мнению, что у «диких народов» строение черепа свидетельствует о слабом развитии высших умственных способностей.

Противоположное мнение высказал французский психиатр Бенедикт Огюст Морель: человек был изначально создан как совершенное создание по образу и подобию Бога. Но со времени грехопадения, убийства Каином брата Авеля и с прогрессом цивилизации люди стали вырождаться.

...Во время войны итальянцев за независимость Ломброзо служил военным врачом в итальянской армии. С 1862 года читал лекции в медицинском факультете Павийского университета, заведовал психиатрической клиникой в Пезаро. В 1876 году стал профессором судебной медицины и общественной гигиены в Туринском университете. Тогда же издал свою монографию «Преступный человек».

По канонам популярной в ту пору френологии строение черепа предопределяло особенности психики человека. Ломброзо разделял эти взгляды. Он полагал, что существует преступный тип человека, отражённый в его внешних признаках. У таких людей преобладают черты дикарей. Таких людей нет смысла перевоспитывать. От них надо избавляться.

Получалось, что можно по строению черепа и тела ребёнка выявлять будущих преступников, изолируя их от общества или даже убивая. Теория, удобная для тех, кто мнит себя избранными, получившими, как Ломброзо, высшее образование или почётные звания и награды.

Революционеров, политических преступников он тоже считал ненормальными. Ведь обычный человек стремится сохранить установленный порядок, а не уничтожить его. Любовь к переменам – психическое заболевание с тяжёлыми последствиями для общества.

Такая точка зрения причисляет всех новаторов к патологическим типам, чем бы они ни занимались. Таков подтекст книги Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными».

Он заочно, по косвенным сведениям и слухам, ставил диагнозы многим выдающимся мыслителям. «О гениальных людях, – писал он, – точно так же, как о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, *что его искусство заменяет ему жену*. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали нечто худшее».

На это можно ответить: ничего не поделаешь, горные вершины стоят одиноко, тогда как равнины плоски и протяжённые. Хотя известно немало выдающихся людей, которые не были ни одинокими, ни холодными и равнодушными, а вовсе даже наоборот.

Иные суждения Ломброзо вызывают недоумение. «Нередки случаи, – полагал он, – когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных».

Сильный удар может только нарушить работу тонко организованной системы головного мозга, подобно тому, как удары молотком по электронной машине не улучшат её работу.

В издании этой книги Ломброзо на русском языке (1902) сделано примечание: «Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребёнком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей во время игры прошиб ему голову камнем, и после этого способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось».

Странный способ улучшить здоровье человека и усилить его ум: пробить голову камнем. Одно то, что Макарий поступил в семинарию, говорит о его здоровом уме. (Хорошенькие игры семинаристов, когда камнем пробивают голову!) По-видимому, побывав на больничной койке под наблюдением врача, Макарий окреп и всерьёз занялся учёбой.

Чезаре Ломброзо нашёл у Джонатана Свифта тяжёлый психический недуг. «Свифт, – писал он, – будучи духовным лицом, издевается над религией и пишет циничную поэму о

любовных похождениях Страфона и Хлои; считаясь демагогом, предлагает простолюдинам отдавать своих детей на убой для приготовления из их мяса лакомых блюд аристократам».

Судя по этому высказыванию, Ломброзо не понимал смысла сатиры (что характерно для людей с психическими отклонениями). Ведь если, к примеру, олигархи ненасытно накапливают миллионы, миллиарды долларов, тогда как сотни тысяч русских малолеток превращаются в безграмотных бродяжек, наркоманов и проституток, разве это не пожирание детей бедняков?

У Ломброзо были серьёзные претензии к английскому сатирику: «Свифт, отец иронии и юмора, уже в своей молодости предсказал, что его ожидает помешательство; гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, на вершине своей почти лишённой листвы, и сказал: “Я точно так же начну умирать с головы”. До крайности гордый с высшими, Свифт охотно посещал самые грязные кабаки и там проводил время в обществе картежников. Будучи священником, он писал книги антирелигиозного содержания... Слабоумный, глухой, бессильный, неблагодарный относительно друзей – так он охарактеризовал сам себя.

Непоследовательность в нём была удивительная: он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы и в то же самое время сочинял комические письма “*О слугах*”. Через несколько месяцев после этого он лишился памяти, и у него остался только прежний резкий, острый как бритва язык. Потом он впал в мизантропию и целый год провёл один, никого не видя, ни с кем не разговаривая, ничего не читая; по десяти часов в день ходил по своей комнате, ел всегда стоя, отказываясь от мяса. Однако после появления у него чирьев он стал как будто поправляться и часто говорил о себе: “*Я сумасшедший*”, но этот светлый промежуток продолжался недолго, и бедный Свифт снова впадал в бессмысленное состояние, хотя проблески иронии, сохранившейся в нём даже и после потери рассудка, ещё вспыхивали порою. Так, когда в 1745 году устроена была в его честь иллюминация, он прервал своё продолжительное молчание словами: “Пусть бы эти сумасшедшие хотя не сводили других с ума”».

Справедлив ли диагноз, поставленный Свифту? Вряд ли. Любые высказывания и события Ломброзо толкует по-своему, стремясь доказать полюбившуюся идею. Он не замечает других вариантов объяснений.

Скажем, если дерево лишается листьев с вершины, то этим его, естественно, уподобить лысеющему человеку, а не умалишенному. Чувство собственного достоинства проявляет человек именно в общении с высокими чинами, и в этом отношении поведение Свифта совершенно нормально.

Глубоко переживая смерть любимой жены, вовсе не обязательно целыми днями рыдать и стенать. Порой именно труд помогает перенести тяжесть потери. А остроумие (несвойственное Ломброзо) указывает на здравый рассудок, в отличие от заикленности на одной идее без критического её осмысления.

В заключении своей книги Ч. Ломброзо несколько смягчает свой обвинительный тон. Он даже не замечает, что противоречит отчасти себе, когда пишет: «Если бы гениальность всегда сопровождалась сумасшествием, то как объяснить себе, что Галилей, Кеплер, Колумб, Вольтер, Наполеон, Микеланджело, Кавур, люди, несомненно, гениальные и притом подвергавшиеся в течение своей жизни самым тяжёлым испытаниям, ни разу не обнаруживали признаков умопомешательства?»

Однако прежде Ломброзо находил признаки психического нездоровья у Наполеона и Микеланджело. Очередной пример обращения с фактами по своему произволу.

После перечисления явных и сомнительных психических отклонений знаменитых людей Ломброзо пришёл к выводу: «Возможно ли на основании вышеизложенного прийти к заключению, что гениальность вообще есть не что иное, как умопомешательство? Нет, такое заключение было бы ошибочным. Правда, в бурной и тревожной жизни гениальных людей бывают моменты, когда эти люди представляют сходство с помешанными, и в психической деятельно-

сти тех и других есть немало общих черт, например, усиленная чувствительность, экзальтация, сменяющаяся апатией, оригинальность эстетических произведений и способность к открытиям, бессознательность творчества и употребление особых выражений, сильная рассеянность и склонность к самоубийству, а также нередко злоупотребление спиртными напитками и, наконец, громадное тщеславие.

Правда, в числе гениальных людей были и есть помешанные, точно так же, как и между этими последними бывали субъекты, у которых болезнь вызывала проблески гения; но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непременно должны быть помешанными, значило бы впасть в громадное заблуждение и повторить, только в ином смысле, ошибочный вывод дикарей, считающих боговдохновенными людьми всех сумасшедших».

Ломброзо считал главными качествами гения: «усидчивость, прилежание, твёрдость характера, внимательность, аккуратность, память». Он верил во френологию. Перечисляя гениев (Спиноза, Бэкон, Галилей, Вольтер), отмечал: «Все они отличались сильным, но гармоничным развитием черепа, что доказывало силу их мыслительных способностей, сдерживаемых могучей волей».

В то же время он привёл сведения о двух десятках людей (в большинстве случаев заурядных учёных), сделав иной вывод: «Гениальные способности часто развиваются в ущерб каким-нибудь психическим сторонам, мы можем предположить, что гениальность сопровождается аномалиями того самого органа, на котором зиждется слава гения».

К суждениям Ломброзо о гениальных людях, на мой взгляд, нельзя относиться серьёзно. Статистических выкладок у него не было. Он подбирал сведения, подтверждающие его гипотезу вместо объективного анализа. Критерии гениальности у него были расплывчатыми.

Один из множества фактов, опровергающих связь умственных способностей с ёмкостью черепа: у остроумного и умного писателя Анатоля Франса масса мозга была всего лишь 1017 г. А у одного психически больного мозг был в два с половиной раза тяжелее.

Более обоснованно, чем о гениях, высказывался Ломброзо о преступниках, которых наблюдал в немалом количестве. Обследование подозреваемых в преступлениях подвигло его на создание первого в мире «детектора лжи».

Как показали исследования кровообращения итальянского физиолога Анджело Моссо, умственное напряжение и эмоции сказываются на работе сердца и кровеносных сосудов. Когда человек испытывает страх, у него резко учащается пульс и повышается кровяное давление. (В момент опасности организм напрягает силы, чтобы ей противостоять.)

Однажды Ломброзо подключил прибор гидросфигмометр (от греческого «сфигмос» – пульс) к подозреваемому в ограблении. Во время допроса его пульс и кровяное давление не менялись. Следовательно сменил тему и заговорил о мошенничестве с чужими паспортами. Показатели прибора тотчас изменились. В дальнейшем выяснилось, что этот человек действительно был мошенником, а не грабителем.

Ну а как же с «преступным человеком»? Может ли череп или лицо свидетельствовать о криминальных наклонностях человека?

Чтобы внушать доверие, жулик должен иметь респектабельную внешность, благородное лицо и честный взгляд, хороший автомобиль (мне встретились три таких человека). Это предположение подтверждают психологические эксперименты. Права поговорка: «по одежке встречают»

Человек, обладающий высоким титулом, в глазах публики выглядит значительно выше ростом, чем на самом деле. В австралийском колледже в разных классах одного и того же человека представляли студентом Кембриджа, лаборантом, лектором, аспирантом, профессором. После его ухода учащихся просили оценить его рост. Как пишет американский психолог Роберт

Чалдини: «При каждом повышении статуса “английский гость” вырастал в глазах студентов в среднем на полдюйма, так что в качестве “профессора” он выглядел на два с половиной дюйма выше, чем в качестве студента».

По цифрам, показывающим рост политического деятеля, можно предположить, кто и зачем их привёл. Так, в Интернете приведены такие сведения: «У Владимира Путина рост 1 метр 70 см, у Дмитрия Медведева – 1,62 м. У Ленина рост был 164 см, у Сталина – 1,63 м». Те, кто видел стоящих рядом Путина и Медведева, мог бы убедиться, что они практически одинакового роста и вряд ли выше 165 см. У Сталина в молодые годы царская охранка определила рост 174 см. Если он был обут, можно считать 172 см. По тем временам – выше среднего для мужчины. А ныне его хулители (обычно низкорослые) называют Сталина едва ли не карликом.

Полтора десятка лет назад увидевшая В.В. Путина восторженная служащая Новосибирского академгородка высказалась о нём: «Молодой, высокий, красивый». Да, молодой в сравнении с Ельциным, но высокий и красивый...

Следует судить о человеке по делам, а не по внешним признакам. Наши умственные, нравственные, психические особенности не предопределены формой головы или конструкцией тела. Хотя некоторые предпосылки для такой связи имеются. На такое мнение нацеливает, в частности, книга немецкого психиатра и невролога Эрнста Кречмера «Строение тела и характер» (1924).

Впрочем, и тут остаются сомнения. Трудно учесть все обстоятельства детства и жизненного пути любого человека. На врождённые качества накладывают печать социальная среда, воспитание и образование, семья, друзья, чрезвычайные ситуации.

Остаётся непростой вопрос Бенедикта Огюста Мореля о деградации рода человечества по мере успехов цивилизации.

В последнее десятилетие XIX века во Франции вышла книга врача, писателя и деятеля сионистского движения Макса Нордау (Симона Зюдфельда) «Вырождение». Посвящая её Чезаре Ломброзо, автор писал: «Понятие о вырождении, первоначально научно обоснованное Морелем и гениально разработанное Вами, дало... богатые плоды в самых разнообразных областях знания». Но, по его мнению, «процесс вырождения распространяется не только на преступников, проституток, анархистов и умалишённых, но и на писателей и художников».

Макс Нордау назвал большим «если не всё цивилизованное человечество, то, по крайней мере, высшие слои населения больших городов». Перечислил признаки умственного расстройства: мистицизм, неспособность к сосредоточенному вниманию и ясному мышлению; господство эмоций над рассудком; самовлюблённость; извращение инстинктов; погоню за сильными эмоциями с преобладанием физического над духовным; склонность к скабрёжности и пошлости.

Он не утверждал, что все люди становятся такими, подчёркивая общее направление деградации. Упомянул о половых извращениях и психопатиях, предполагая в дальнейшем закон, разрешающий вступать в брак людям одного пола. Стыдливость и благопристойность станут предрассудками. «Книги в настоящем своём виде выйдут из моды»...

Его прогноз на XX век: «Нынешняя истерия продержится недолго. Народы оправятся от неё. Слабые, выродившиеся субъекты погибнут, сильные приспособятся к успехам цивилизации или подчинят их своим органическим силам».

В одном можно согласиться с Нордау: искусство в значительной мере выражает духовное состояние общества и может считаться диагнозом серьёзных психических аномалий. Но процесс вырождения, если он связан со структурой и эволюцией цивилизации, не исчезнет из-

за выживания «наиболее приспособленных» (у кого капиталы и власть), ибо существующее положение их вполне устраивает.

После Первой мировой войны принципы социодарвинизма, о которых писал Нордау, обрели экстремальную форму в идеях и поступках немецких фашистов. Они старались «очищать расу», утверждали своё физическое и умственное превосходство... и деградировали в убийц и поработителей. Война не делает людей лучше.

XX век развеял многие иллюзии о прогрессе общества. Известно, что и болезни могут прогрессировать. Колоссальное развитие техники очевидно. Растёт число наркоманов, больных СПИДом, психически больных, людей с генетическими аномалиями. Техническая цивилизация подавляет и деформирует не только земную природу, но и личность человека по своему образу и подобию, как столетие назад отметил философ Николай Бердяев.

Виктор Кандинский (1849–1889)

Человек двигался по коридору, согнув колени, вытягивая вперед корпус, как бы с трудом прокладывая себе дорогу руками. На лице его застыло выражение ужаса. На вопросы посторонних он не реагировал: находился в своём особом мире.

Это был один из пациентов психиатрической лечебницы. Когда его сознание вернулось в тот мир, который мы называем реальным и объективным, он объяснил врачу, что пытался выбраться из желудка крокодила. Образ гигантской рептилии, якобы обитавшей в канале рядом с больницей, давно его тревожил (дело происходило в Санкт-Петербурге около 140 лет назад).

Виктор Хрисанфович Кандинский, описавший этот случай, не упомянул о причине столь странной для русского обывателя патологии воображения. Возможно, так подействовала на читателя сатира Ф.М. Достоевского «Крокодил», повествовавшая в стиле репортажа о проглоченном крокодиле петербуржце. Этот образ мог пробудить и усилить детские переживания при чтении притчи об Ионе, проглоченном китом.

Каждый из нас имеет колоссальный запас образов, мыслей, сведений, который хранится в памяти вне ясного сознания. Они возникают в нём, как бы выходя на свет из тёмных кладовых, порой благодаря усилию воли, иногда неожиданно, как озарение.

Наиболее явно они проявляются в сновидениях. Трудно понять, как возникли образы, явившиеся во сне, почему они связались в определённый сюжет. В некоторых случаях человек испытывает как бы сон наяву. Фантастические видения (псевдогаллюцинации, по В.Х. Кандинскому) подавляют его волю, сознание, и он действует под их влиянием.

«Наше обычное бодрствующее сознание, или рациональное сознание, как мы его называем, – писал американский психолог и философ Уильям Джемс, – есть не что иное, как ещё один особый тип сознания, в то время как повсюду рядом с ним, отделённые от него тончайшей перегородкой, находятся потенциальные формы сознания совершенно иного».

Это и есть то, что называют подсознанием, областью бессознательного. Она сложно организована и связана с инстинктами, переживаниями детства и даже пренатального (предродового) периода.

У людей с неустойчивой психикой в какой-то момент рассудок теряет контроль над образом, укоренившимся в глубинах подсознания. Словно демоны, возникшие из небытия, овладевают душой человека, увлекая её в воображаемый мир. Под влиянием внутреннего или внешнего сигнала больной переходит в изменённое состояние сознания (ИСС), вплоть до полного погружения в мнимую реальность. Сигналы органов чувств искажаются в мозгу в угоду всецельной (на данный момент) установки.

Исследования Кандинского, специалиста-психиатра, были бы обыденны, если бы не одно обстоятельство: он сам во время душевного недуга испытал острейшие псевдогаллюцинации (понятие, введённое им в психиатрию), подробно рассказав о них в научной монографии.

«Имея несчастье в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством, – писал он, – и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда».

Психических отклонений в детстве и юности у него не отмечалось. Родился он в Забайкалье, в семье купца первой гильдии, с отличием окончил в Москве гимназию, хорошо учился на медицинском факультете университета, работал во Временной (2-й Градской) больнице ординатором. Писал научные статьи преимущественно по гигиене и санитарии. Осенью 1876 года оформился на Черноморский флот младшим судовым врачом, участвовал в русско-турецкой войне.

Ужасы войны, выпивка и временами употребление наркотиков сказались на его состоянии. У него начались психические срывы, он пытался совершить самоубийство, бросившись в море. Его поместили в лечебницу.

Выздоровев, он женился в 1878 году на медсестре Елизавете Карловне Фреймут. С 1881 года он работал старшим ординатором в психиатрической лечебнице св. Николая в Петербурге. Был трудолюбивым, внимательным к окружающим, проводил научные исследования.

Были опубликованы и две его философские работы: «Современный монизм» и «Общепонятные психологические этюды». Он утверждал единство материи и сознания, признавая реальность внешнего мира. По его словам, «мы не можем смотреть на психическую жизнь иначе, как на часть общей жизни, и, следовательно, должны признать психическую деятельность, свойственную в большей или меньшей степени всем живущим существам животного мира... Мысль есть функция мозга».

Последнее утверждение требует дополнения. Сам по себе мозг не может создать мысль. Он её производит только после обучения. Тем более, когда эта мысль выражена словом.

Кандинский вёл большую практическую и теоретическую работу, в частности по судебной психиатрии. От переутомления у него бывали бредовые видения. Он и сам их вызывал, проводя опыты над собой.

В процессе этих опытов он всё чаще применял наркотики, главным образом опий. Возможно, у него возникла наркотическая зависимость, хотя он убеждал себя, что это всего лишь неизбежные последствия научных экспериментов. (Обычно рассудок подчиняется эмоциям и старается оправдать даже неблагоприятные поступки.)

«О благодатный, нежный и всесильный опиум! Ты, проливающий целительный бальзам в сердце бедняка и богача, утоляющий боль ран, которые никогда не зарубцуются, и муки, которые вызывают бунт духа. Красноречивый опиум!.. Ты, только ты даёшь человеку эти сокровища, ты обладаешь ключами рая, о благодатный, нежный всесильный опиум!»

Так писал английский писатель Томас Де Квинси в повести «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (1821). Для него наркотический рай со временем стал адом. Его стали посещать страшные видения, он испытывал физические муки. Возможно, нечто подобное происходило с Кандинским. Он чувствовал, что сходит с ума.

Со временем было всё труднее справляться с болезнью. Чувствуя приближение одного из приступов, Виктор Хрисанфович принял смертельную дозу опия и лег на диван, читая повесть Льва Толстого «Казачья жизнь»...

В истории психиатрии он остался самым необычным учёным: одновременно пациентом, врачом и исследователем болезни. «Имея несчастье, – писал он, – в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда».

После его смерти жена его Елизавета Карловна позаботилась об издании двух его работ и покончила с собой. Детей у них не было.

В научной статье он представил себя так: «Мих. Долинин, 38 лет от роду, бывший артиллерийский офицер, а потом военный врач, был болен галлюцинаторным первично-бредовым психозом (*paranoia hallucinatoria*); болезнь имела сначала подострый характер, но потом получила более хроническое течение. Он был так любезен, что устно сообщил мне массу любопытных наблюдений как относительно слуховых галлюцинаций, так и относительно различного рода псевдогаллюцинаторных явлений».

Впоследствии Долинин с большой готовностью отдал себя в моё распоряжение для некоторого рода маленьких экспериментов; именно, угощая его по временам, на ночь или в течение дня, опиумом или экстрактом индийской конопли, я вызывал у него очень живые, так называемые

гипнагогические галлюцинации и потом получал от него подробное изложение сделанных им в это время наблюдений. Путём таких экспериментов нам удалось довольно порядочно изучить те галлюцинаторные и псевдогаллюцинаторные явления, которые бывают испытываемы многими здоровыми людьми в состоянии, переходном от бодрствования ко сну.

Вследствие новых умственных эксцессов, может быть, частью и под влиянием вышеупомянутых опытов искусственного вызывания псевдогаллюцинаций и галлюцинаций (между прочим Долинин по собственной инициативе добился одно время умения *произвольно* вызывать у себя галлюцинации слуха, по характеру совершенно однородные с теми *непроизвольными* слуховыми галлюцинациями, которыми он страдал во время болезни), у Долинина в начале 1883 года без всяких особенных причин внезапно вспыхнуло острое галлюцинаторное расстройство со смешанным бредом преследования и величия».

Другим пациентом психиатрической лечебницы, на которого не раз ссылался Кандинский, был бывший врач Лашков. По-видимому, и в этом случае было наблюдение над самим собой. Вот один из примеров описания:

«Коллега Лашков во время своей болезни был постоянно мучим галлюцинациями слуха и осязания и, кроме того, имел обильные псевдогаллюцинации, в особенности в сфере зрения. Однажды он вдруг услышал между голосами своих преследователей (“из застенка”) довольно громкий голос, который настойчиво и медленно, с раздельностью по слогам, произнес: «переме-ни под-данство!» Поняв это внушение так, что у него единственное средство к спасению – перестать быть подданным русского царя, больной на минуту задумался, какое подданство лучше, и решил, что всего лучше быть английским подданным.

В этот самый момент он *псевдогаллюцинаторно* увидел в натуральную величину льва, который, на секунду явившись перед ним, быстро забросил свои передние лапы ему на плечи; прикосновение этих лап живо почувствовалось больным в форме довольно болезненного местного давления (галлюцинация кожного чувства). Вслед за этим явлением “голос из простенка” сказал: “Ну, вот тебе лев... теперь ты будешь императорствовать”.

Тогда больной вспомнил, что “лев есть эмблема Англии”. Образ льва явился перед Лашковым весьма живо и отчётливо, однако больной очень хорошо чувствовал, что видит льва, как он сам после выразился, “не телесными, а духовными очами”. Поэтому он нимало не испугался льва, несмотря на то что ощутил прикосновение его лап. Путём соображения больной пришел к убеждению, что льва ему “нарочно *показали*, с целью дать понять, что с этого момента он будет под покровительством английских законов”. Если бы лев явился Лашкову в настоящей галлюцинации, то больной, как он сам говорил мне по выздоровлении, сильно испугался бы и, может быть, даже закричал бы или бросился бежать. Если бы лев был простым зрительным образом, то Лашков не придал бы ему, как продукту собственной фантазии, никакого отношения к галлюцинаторным голосам, в объективном происхождении которых он в то время был твердо убеждён».

Подробный анализ собственных видений и наблюдения за больными привел его к обоснованию явления псевдогаллюцинации.

По его словам, галлюцинация – это возбуждение «центральных чувствующих областей» мозга, не зависящее от внешних впечатлений. Возникает «чувственный образ, представляющийся в воспринимающем сознании с таким же самым характером объективности и действительности, который при обыкновенных условиях принадлежит лишь чувственным образам, получающимся при непосредственном восприятии реальных впечатлений».

Псевдогаллюцинации проецируются не во внешнем пространстве, а во внутреннем: слышатся голоса как бы «внутренним слухом», видения воспринимаются «умственным взором».

Галлюцинации для больного – это сама действительность. А псевдогаллюцинации переживаются как субъективное явление. Обычно больной не перестаёт ощущать себя в текущей реальности. Так, Лашков не испугался мнимого льва, хотя чувствовал прикосновение его лап.

В отличие от воспоминаний, псевдогаллюцинации яркие, отчётливы, а образы являются в мельчайших деталях стойко и непрерывно. Эти явления возникают и пропадают независимо от воли больного.

Часто они носят навязчивый характер. Больные жалуются, что им «насиленно показывают картины», «вызывают звучание мыслей»; что они «действуют помимо воли языком, говорят слова, которые не хотели произносить», а «руками, ногами, телом кто-то действует». Происходит отстранение от своей личности. Больные чувствуют, будто «забирают их мысли и включают другие».

В одном из бредовых состояний Кандинский вообразил себя лидером китайской революции, направленной на установление в стране конституции. Он был главой партии, куда входили некоторые государственные деятели и просвещённые мандарины. С простым народом из разных слоёв общества он общался телепатически, чувствуя их мысли и чаяния.

Когда под окнами его квартиры проходили люди, он слышал их слова, но чаще воспринимал их пожелания мысленно. Его мозг служил для заговорщиков подобием центральной телеграфной станции, куда поступали сообщения из разных мест Китая.

Как всякого заговорщика, его окружали не только сообщники, но и могущественные хитроумные враги. Их шпионы старались перехватывать его мысли телепатически. Порой он слышал их голоса. Пришлось придумать специальный аппарат «психораспределитель». Он, как писал Кандинский, «являлся внутреннему зрению Долинина закрытым столом, наверху с большой квадратной доской из чёрного дерева, на которой устроены замыкатели, избиратели, коммутаторы для громадной массы гальванических цепей... Параллельно ходу своей мысли (вернее, фантазии, так как в это время больной уже *не мог мыслить иначе, как в живо чувственной образной форме*) почти совершенно вышедший из-под контроля воли Долинин в своём зрительном представлении оперировал обеими руками на «распределителе»».

Он передавал соратникам свои мысли, мешая шпионам их перехватить. Однако противники узнали кое-что из его распоряжений и приняли свои меры. Но у Долинина был дар всевидения. Ходя по своим комнатам, он внутренним взором видел всё, что творилось на улицах столицы Китая, во дворце богдыхана и в верховном совете мандаринов, где обсуждают конституцию. Здание совета окружают пехотинцы; на площади стоят пушки, но противники реформы вывели на улицы несколько полков.

Находясь в своей квартире, Долинин (Кандинский) «видел» бои на улицах, слышал выстрелы пушек и ружей, звон сабель. Наконец, благодаря мудрым распоряжениям Долинина была одержана победа...

Рассудок больного, не утративший логики, поддерживал установку подсознания на китайскую революцию, придумывая изощрённые средства коммуникации. Даже явная фантастика воспринималась им как нечто само собой разумеющееся.

Домой к нему пришли два его товарища и предложили прокатиться в карете. Он с полуслова понял, что их прислало законодательное собрание, угадывая мысли собеседников. Было ясно: ему предстоят почести, ибо революция победила.

Во время поездки он видел радостные лица и приветственные жесты прохожих. Слышал отдалённые звуки марша и твёрдую поступь революционных солдат. Его не смущал перенос действия из Китая в Россию (подобным образом самые нелепые события, происходящие в сновидениях, воспринимаются как само собой разумеющиеся).

Они приехали на окраину города. Лица некоторых прохожих выражали хитрость и затаённую злобу. Значит, кучер – шпион и нарочно завёз их туда, где находятся враги! Иногда он слышал ругательства и угрозы в свой адрес. Это явно были шпионы. Но на страх им всё громче раздавался революционный марш. В такт ему Кандинский начал топтать ногами в карете и подпевать. Но кучер замедлил движение, чтобы враги окружили карету.

Как быть? Поможет огонь папиросы! Пока она горит, враги не страшны. Это – символ власти. Не случайно товарищ предложил ему закурить. Надо постоянно прикуривать от потухающей папиросы, не теряя огня. А под марш в ритме движения кареты появился революционный отряд. Офицеры приветствуют его...

Вот и дом для торжественной церемонии. Его встретили почтительно, надели официальный костюм. Значит, предстоит выступить в парламенте. Он ощутил усталость. Сел, задумался. Очнулся – вокруг нет никого. В соседних помещениях какие-то голоса. А если это палачи, которые ловят его мысли?!

Время шло. Торжества не было. Он волновался всё сильнее. Заметил решетки на окнах. Понял: враги заманили его в западню. Подозрение превратилось в уверенность. Двери заперты, окна зарешечены, нет делегаций и поздравлений...

Потрясение! Он пришел в ярость, круша всё вокруг, колотя в стены и двери. Затем началась истерика...

Такова плата за крушение установки: буйство, истерика – вплоть до убийства и самоубийства. (При безнадежных формах шизофрении больной может до конца пребывать в иллюзорном мире.)

Обычно мы сознательно контролируем своё поведение, кроме тех моментов, когда нас захлёстывают эмоции. Тогда происходит переход в изменённое состояние сознания (ИСС). У психически больного наоборот: он преимущественно находится в ИСС, хотя может временами избавляться от этого наваждения.

Вот один из примеров не одиночного, а группового перехода в ИСС уже в XX веке. В селе проживала больная шизофренией, утверждавшая, что близится конец света. При обострении мании она видела, как дьявол тащит грешные души в ад. За ней ухаживали четыре её сестры. Они постились и молили Всевышнего о выздоровлении сестры. Через несколько дней вдруг увидели, как тело больной покрылось шерстью, ступни превратились в копыта, а на голове выросли рога. Это был сатана!

В ужасе, отвращении и ярости они схватили что попало под руки и принялись изгонять нечистого из тела сестры. Избиение продолжалось до тех пор, пока несчастная не умерла. Они были уверены, что обеспечили её душе место в раю. Их поместили в больницу. За три дня лечения они обрели душевное равновесие, успокоились, хотя по-прежнему не сомневались, что им удалось изгнать беса.

По такой схеме возникают массовые психические эпидемии. Они редко проявляются в такой криминальной форме. Но суть остается той же. Имея примерно одну и ту же установку (вера в Бога, демонов, правителей), люди в определённой ситуации действуют одинаково, испытывают сходные эмоции, а то и мании, которые становятся заразительными.

Виктор Кандинский одним из первых начал исследовать такие явления. «Главнейшие источники душевных эпидемий, – писал он, – религиозное чувство, мистические стремления, страсть к таинственному».

«От времени до времени в истории человечества являются настоящие повальные болезни души». К ним он относил Крестовые походы, демономанию, ложные признания в колдовстве и массовые религиозные репрессии в Западной Европе в XV–XVI веках.

Кандинский обобщил: «История обществ представляет нам... непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея сама по себе может быть высокою или нелепою... Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная».

Эти идеи развивал академик В.М. Бехтерев в книге «Внушение и его роль в общественной жизни». По его словам, «внушение заслуживает самого внимательного изучения для исто-

рика и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получит неполное... и частью даже несоответствующее освещение».

Другое его замечание: «Психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы при благоприятной к тому почве к опустошительным войнам и взаимному истреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений».

Обычно историки, социологи, философы предпочитают объяснять исторический процесс экономическими, политическими и классовыми факторами, тайными заговорами. А человек – существо разумное и эмоциональное, отзывающееся на движения души нередко более чутко, чем на позы желудка.

Имеется немало примеров катастрофических последствий решительных перестроек психической сферы. Крушение средневековых стереотипов сознания сопровождалось необычайными духовными потрясениями, войнами, маниакальными явлениями, жестокими революциями (последние особенно характерны для первобытного капитализма с его ненасытной жадой наживы).

Что содействует распространению психических эпидемий? Ответ на этот вопрос мы уже отчасти знаем на примере западноевропейского Средневековья. Эту эпоху часто огульно характеризуют как мрачную, исполненную мракобесия и зверств. Действительность была иной.

Да, происходили войны, внутренние конфликты и прочие беды, извечно сопровождающие историю цивилизации. Однако общество в этот отрезок времени, когда преобладали феодальные отношения, религиозная вера, цеховые объединения трудящихся, патриархальные семьи и т. п., отличалось необычайной стабильностью. В Европе Средневековье продолжалось более тысячи лет – приблизительно с V до XV века. Нечто подобное характерно для Китая, Индии, Малой Азии, Африки.

Казалось бы, такая чётко отрегулированная среда не благоприятствует духовным эпидемиям. Однако ситуация не столь проста. Психика человека, так же, как любого животного, приспособлена к изменчивой, сложной природной среде, а не к механическому однообразию и жёсткой регуляции. В результате постоянных ограничений накапливается подсознательный протест, стремление при случае выплеснуть заряд нереализованных эмоций, взбунтоваться против запрограммированной несвободы.

Крестовые походы, помимо всего прочего, были связаны со стремлением человека к новизне впечатлений, к познанию иных стран. «Муза дальних странствий» вдохновляла не только купцов и религиозных фанатиков, но и многих верующих, мечтающих посетить святыне места, приобщиться к той местности, которая упомянута в Священном Писании.

В мистическом плане это была сугубо духовная тяга. В обыденном понимании её можно связывать и с «охотой к перемене мест», с желанием избавиться хотя бы на недолгий срок от привычной обстановки. В эмоциональном аспекте подобное стремление выражалось в периодических «праздниках дураков», развесёлых и подчас кощунственно-глумливых карнавалах, народных мистериях. Такая «разрядка» была необходима, но недостаточна. Оставалась потребность и в отрешении от постоянных повторений, бесконечной суеты бытия.

Паломничества и странничество были распространены в Средние века. Люди проходили, проплывали в разных направлениях сотни, тысячи километров, минуя разные страны, пересекая горные хребты, крупные реки и моря.

Временами возникали направленные перемещения огромных людских масс. Это можно сопоставлять с миграциями животных, хотя на поведение людей влияют не только природные, но и социальные факторы. Сказывается и то, что человек, подобно прочим высшим общественным животным, наделён инстинктом общения, способностью воспринимать чужие чувства.

Виктор Кандинский сделал такие выводы:

● Свойство психической организации человека именно таково, что всякое духовное движение или настроение одного индивидуума отражается на духовном состоянии лиц, его окружающих. Люди в этом отношении представляют аналогию с камертонами одинакового тона: заставь звучать один из них, остальные сами собой придут в созвучное дрожание.

● Галлюцинации и иллюзии происходят тем легче, чем больше ослаблены органы чувств, чем более истощена нервная система вследствие ненормального возбуждения, ненормального физического труда или вследствие недостатка питания.

● Чувства мелочные и своекорыстные гораздо более склонны приобретать эпидемическое распространение, чем идеи и чувства высокие.

● Душевнобольные часто сохраняют свободу суждений, но теряют свободу выбора.

● Проходит время ненормального душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, и вернувшиеся к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять причину своих прошлых ошибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.